

Фредерик Жорж Эр

**Артиллерия в прошлом,
настоящем и будущем**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
374

Эр Ф.
Э74 Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем / Фредерик Жорж Эр – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 350 с.

ISBN 978-5-521-39248-3

ISBN 978-5-521-39248-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОЛЬ АРТИЛЛЕРИИ В ВОЙНЕ 1914 — 1918 гг.

Глава I

ОБСТАНОВКА ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВОЙНЫ

I. Французская артиллерия в 1914 г.

Общее убеждение в превосходстве маневра над огнем составляло основу нашей тактической доктрины в 1914 г. Конкретно, в области организации, этот принцип автоматически приводил к тому, что численности отдавали предпочтение перед техникой.

Разумеется, никто не отрицал могущества огня; уроки последних войн (войны 1870/71 г., Балканской, Англо-бурской и Русско-японской) напоминали о нем всем, кто взял на себя труд изучить их опыт. Но если о могуществе огня постоянно твердили и писали, все же реальное значение его не всеми было осознано.

Наши уставы провозглашали исключительное достоинство наступления во что бы то ни стало.

Устав от 28 октября 1913 г. о вождении крупных соединений устанавливает следующие принципы:

«Ведение войны должно быть проникнуто необходимостью придать операциям решительно выраженный наступательный характер. Бой — исключительная цель операций — есть единственное средство сломить волю противника: первый долг начальника стремиться к бою. Сражение, когда оно завязано, должно вестись до конца, без колебаний, до крайнего напряжения сил. Решительное наступление заставляет противника перейти к обороне и служит наиболее надежным средством, предохраняющим как командование, так и войска от внезапности».

Устав полевой службы от 2 декабря 1912 г. развивает те же идеи в ст. ст. 96 и 97: «Только наступление способно

сломить волю противника. Начатый бой должен быть доведен до конца; успех зависит больше от твердости и решительности в исполнении, чем от искусных комбинаций. Пехота — главный род войск. Она захватывает и удерживает местность. Она окончательно вытесняет противника из его опорных пунктов; она действует маневром и огнем; лишь движение вперед, доведенное до штыкового удара, является решающим и непреодолимым; однако, обычно огонь должен проложить ему дорогу». Устав маневрирования пехоты от 20 апреля 1914 г. точно воспроизводил выражения полевого устава.

Таким образом, обучение всей армии энергично велось в наступательном духе, в духе решительного и непреодолимого движения вперед, поддержанного огнем.

Но в то время как движение вперед может себя проявить на учениях мирного времени, действие огня воспроизведено быть не может. Наши большие маневры, завершающие год обучения, состояли из нескольких дней походов, заканчивающихся большим военным спектаклем, где пехота в сомкнутых строях, с развевающимися знаменами и барабанным боем продвигалась вперед к атакуемой позиции с полным презрением к неприятельскому огню. При разборе подвергалось обсуждению лишь то, что можно видеть: в отношении атакующего — направление атаки, пути движения, быстрота окончательного штурма; по отношению к обороняющемуся — штыковая контратака, ее своевременность и сила. Но о пушках, пригвожденных к земле своими материальными потребностями, и о пулеметах, действующих лишь с места, почти совсем забывали, и лишь редко кто-либо упоминал о способах их применения и об их участии в окончательном успехе.

Из такого общего представления, естественно, вытекала и доктрина применения артиллерии в бою.

Недооценка действия огня вызывала уменьшение доли участия артиллерии в бою. Впрочем, за этим родом войск признавали лишь ограниченную силу действия. Статистические данные, собранные в течение последних войн, указывали, что потери от артиллерийского огня никогда не превосходили 25% общих потерь, понижаясь иногда до 5%, в то время как потери от пехотного огня доходили до 90%¹.

Устав полевой артиллерии 1910 г. указывал, что артиллерия обладает большой разрушительной силой по живым открытым целям, но что разрушительного действия часто бывает трудно достигнуть и что нейтрализация, произве-

денная во время *сравнительно небольшим* количеством снарядов, является в некоторых случаях достаточной.

Полевой устав, со своей стороны, подчеркивал, что артиллерийский огонь обладает лишь ничтожной действительностью против укрытого противника, а для того чтобы вынудить его выйти из закрытия, необходима пехотная атака.

Отсюда оставался один лишь шаг до вывода, что артиллерия есть лишь вспомогательный и второстепенный род войск. Вследствие ничтожности ее действия по всем целям, кроме живых и открытых, считали бесполезным применять ее для разрушения защищенных или просто укрытых целей, а также материальных препятствий. Полагали, что борьба с артиллерией противника, расположенной укрыто, не даст решительного результата; в бою она явится лишь случайным эпизодом второстепенного значения. И нужно заранее отказаться от подготовки атак артиллерией, как не могущей дать никакого результата.

«Вплоть до последнего времени считали,—говорит доклад министру, служащий введением к полемому уставу,— что основной долг артиллерии в бою — достигнуть превосходства в огне над артиллерией противника, а затем роль ее заключается в подготовке пехотных атак путем разрушения снарядами предназначенных для атаки целей, прежде чем пехота начнет действовать».

«В настоящее время признано, что существенная роль артиллерии заключается в поддержке пехотных атак путем разрушения всего, что препятствует их успеху. Стремление достигнуть превосходства над артиллерией противника преследует лишь цель добиться максимума действия по объектам пехотной атаки... Что касается подготовки атак артиллерией, то она не будет независимой от действий пехоты, так как артиллерийский огонь мало действителен против укрытого противника, а для того, чтобы вынудить его выйти из закрытий, нужно атаковать его пехотой. Взаимодействие между двумя родами войск должно быть, следовательно, постоянным. Артиллерия не prepares больше атак, она их поддерживает».

Введение 75-мм скорострельной пушки в 1897 г. явилось столь значительным прогрессом, что даже породило у командования ложный взгляд на могущество этого оружия, разрушительную силу которого оно переоценивало. «75-мм пушка,—говорится в одном из официальных документов,—достаточна для решения всех задач, могущих встретиться артиллерии в полевой войне».

Из этой мысли возник догмат об индивидуальном могуществе 75-мм скорострельной пушки: из него непосредственно вытекало, что 4-орудийная 75-мм батарея на фронте в 200 м способна дать все, что можно требовать от артил-

лерии, и бесполезно поэтому, какова бы ни была цель, сосредоточивать огонь нескольких батарей.

Наконец, почти никто не придавал значения большой дальнотойности. С одной стороны, фактически артиллерия никогда не имела случая вести огонь вне ограниченного поля действий, не превосходящего 3 000—4 000 м, так как ее главная роль заключалась в поддержке пехотных атак, оставаясь в связи с этим родом войск. С другой стороны, артиллерия не могла обойтись без наблюдения для корректирования огня, а так как воздушное наблюдение находилось лишь в зачаточном состоянии, она должна была рассчитывать нормально на наземное наблюдение; между тем последнее, даже при наличии хороших биноклей, не в состоянии отчетливо видеть далее 4 000—5 000 м. Ствол 75-мм пушки мог при соответствующем угле возвышения дать дальность свыше 8 000 м, но лафет и прицельные приспособления были рассчитаны и сконструированы для дальности не свыше 6 500 м.

В итоге наша тактическая доктрина 1914 г. в части, касающейся артиллерии, может быть резюмирована следующим образом.

Война будет войной непродолжительной, с быстрыми перемещениями, где маневр будет играть главную роль: это будет маневренная война.

Бой будет главным образом борьбой двух пехот, и победа будет на стороне большего числа батальонов: армия должна быть армией численности, а не армией материальных средств.

Артиллерия будет лишь вспомогательным родом войск, имеющим одно назначение — поддерживать пехотные атаки. Для этого она нуждается лишь в ограниченной дальнотойности; главным же свойством ее должна быть скорострельность для действия по многочисленным и кратковременным целям, которые будут подняты пехотной атакой.

Препятствия, могущие встретиться в маневренной войне, будут незначительны: легкая артиллерия обладает достаточным могуществом для их поражения.

Дабы непосредственно следовать за пехотой, которую нужно поддерживать, материальная часть должна быть легкой, гибкой и подвижной. Потребность в тяжелой артиллерии будет редко ощущаться; тем не менее, на всякий случай благоразумно иметь несколько тяжелых батарей, но эти батареи, чтобы сохранить достаточную подвижность, должны оставаться сравнительно легкими, что

исключает применение крупных калибров и мощных орудий.

Сосредоточение огня нескольких батарей не является необходимым: так как 4-орудийная 75-мм батарея обладает полной действительностью на фронте в 200 м, было бы бесполезно перегружать себя слишком многочисленной артиллерией; достаточно рассчитать число батарей, органически придаваемых крупным соединениям, в соответствии с их нормальным фронтом действий².

Нельзя отрицать, что вооружение нашей армии 1914 г., подготовка ее офицеров и кадров, а также ее организация в достаточной мере соответствовали указанным взглядам.

На вооружении состояли:

— 75-мм скорострельные пушки, которыми была вооружена вся легкая полевая артиллерия;

— 65-мм скорострельные пушки, состоящие на вооружении горных частей;

— 155-мм скорострельные гаубицы образца 1904 г., которые вместе с 120-мм короткими пушками Баке и 120-мм длинными нескорострельными пушками Банжа образца 1878 г. состояли на вооружении всей нашей тяжелой полевой артиллерии.

Старые орудия Банжа, изготовленные с 1877 по 1881 г., предназначались для обороны крепостей и для осадных парков.

В частях, мобилизуемых в первую очередь, мы располагали следующим количеством орудий³:

3 840—75-мм пушек;

120—65-мм горных пушек;

308 — тяжелых орудий, состоявших на вооружении полевых частей;

380 — тяжелых орудий Банжа, предназначенных для комплектования осадных парков.

Эта материальная часть была использована при мобилизации для формирования:

20 корпусных артиллерийских полков по 4 дивизиона из 3 четырехорудийных 75-мм батарей каждый;

65 дивизионных артиллерийских полков 75-мм пушек, по 3 дивизиона на каждую активную⁴ дивизию и по 2 дивизиона на каждую резервную дивизию;

5 полевых тяжелых артиллерийских полков по 4 дивизиона;

2 горных артиллерийских полка;

11 пехотных артиллерийских полков.

Кроме того, несколько территориальных частей.

Управление артиллерией было организовано при армейских корпусах и при дивизиях.

В армейском корпусе начальник артиллерии корпуса согласовывал действия дивизионной артиллерии, руководил огнем корпусной артиллерии или в случае необходимости распределял последнюю по дивизиям согласно указаниям командира корпуса, наконец, в случае необходимости он принимал командование артиллерийской группой, созданной для поддержки одной из дивизий. Он непосредственно располагал корпусной артиллерией, состоящей из одного полка 75-мм пушек, в составе 4 дивизионов.

В дивизии командование артиллерией было возложено на полковника, который во время боя нормально находился при начальнике дивизии. В его распоряжении состоял подполковник для боевого управления 9 батареями³.

Управление артиллерией в масштабе армии организовано не было. Взаимодействие артиллерии различных армейских корпусов обеспечивалось лишь директивами командования или соглашением соответствующих артиллерийских начальников. Подвижные тяжелые артиллерийские полки распределялись первоначально между армиями, затем последними по армейским корпусам, где они применялись таким же образом, как и их органическая артиллерия.

Одно лишь вооружение и организация еще не характеризуют артиллерию. На ее качества значительно влияют средства связи и наблюдения, которые, в свою очередь, зависят от требований, предъявляемых к артиллерии.

Средствами связи артиллерия была снабжена не лучше, чем другие роды войск; она испытывала тот же недостаток в этих средствах, как и все другие части. Она располагала лишь несовершенным телефонным аппаратом, при конструировании которого стремились к прочности и легкости перевозки в ущерб надежности работы и дальности действия (лишь около 1 000 м). Каждая батарея и каждый штаб дивизиона располагали всего двумя телефонными аппаратами и 500 м провода. Полки и высшие соединения собственных средств телефонной связи не имели. Эта недостаточность телефонного имущества вытекала из общепринятого взгляда и убеждения в том, что телефон не пригоден как средство связи в бою. Артиллерийский устав 1910 г. о телефоне даже не упоминает; наиболее надежным средством связи он считает, в первую очередь, зрительную связь и в некоторых случаях простые сигналы (§ 38).

Средства наблюдения ограничивались биноклем, правда превосходным, но имеющимся в слишком незначительном количестве. В стрельбу на большую дистанцию не верили, а бинокль мог быть отлично использован на расстоянии до 3 000—4 000 м.

Воздушное наблюдение было лишь в зачатке, как и сама авиация. Естественно, что это средство было еще неудобствительным как в качественном, так и в количественном отношении. Способы корректирования были примитивны, прежде всего, вследствие несовершенства связи между самолетом и землей, которая осуществлялась лишь путем сбрасывания донесений или посредством маневрирования самолета. Тем не менее, в некоторых армейских корпусах отдавали себе отчет в той первостепенной роли, которую должно играть воздушное наблюдение, и прилагали усилия к созданию артиллерийских летчиков-наблюдателей и к подготовке батарей для совместной работы с ними.

Комплектование кадров артиллерии было превосходно. Офицерский корпус в течение многих лет широко пополнялся из обильных источников. Политехническая школа регулярно выпускала достаточное число лиц с высоким уровнем общего образования и научной подготовки. Существенную поддержку оказывала Военная школа, где наиболее способные унтер-офицеры получали надлежащее образование и конкретную техническую подготовку⁶. Наконец, кадр офицеров запаса состоял из действительно отборного элемента: инженеров государственной службы, бывших слушателей Политехнической школы, слушателей Центральной и Горной школ. Во всей армии царили традиции добросовестной работы, профессиональной солидарности и морального достоинства.

Корпус офицеров получал в своей работе поддержку от испытанного кадра сверхсрочных унтер-офицеров, обладавших высокими моральными качествами и достаточной технической подготовкой.

Общее направление обучения логически вытекало из взглядов на характер будущей войны и на ту роль, которую в ней будет играть артиллерия.

Считалось, что бой, прежде всего, будет пехотным маневром; «роль артиллерии, следовательно, ограничится поддержкой всеми своими средствами продвижения пехоты». Ввиду этого полагали, что артиллерия должна быть способна быстро маневрировать, внезапно открывать огонь по все новым и новым целям и производить повторные, но кратковременные огневые нападения. И действительно, на-

ша артиллерия была отлично подготовлена к этой роли. Она умела передвигаться, хорошо используя местность, быстро и гибко менять позиции. Командиры батарей, которые рассчитывали играть главную роль в бою, слагающемся, как предполагали, из отдельных эпизодов, стали настоящими виртуозами стрельбы.

С другой стороны, так как никто не предвидел позиционной войны, полевая артиллерия совершенно не была подготовлена к решению топографических и баллистических задач, выдвигаемых этого рода войной.

В свою очередь, пешая артиллерия обычно игнорировала тактические приемы пехоты, не предполагая, что им придется сражаться совместно, зато у артиллерии были высоко развиты методы и техника стрельбы. К сожалению, распространённые взгляды на войну не толкали массу офицеров на изучение техники. Примеру пеших артиллеристов не последовали их товарищи полевой артиллерии, и между офицерами этих двух подразделений одного и того же рода войск не было благотворного обмена мнений; они ограничивались изучением частных вопросов маневренной войны, в которой предполагали принимать участие.

II. Германская артиллерия в 1914 г.

Каковы же были по сравнению с нашими тактические взгляды, вооружение и организация наших будущих противников?

Как и мы, германцы верили в кратковременную войну, с быстрыми передвижениями, близкую, таким образом, по своему характеру к наполеоновским походам или операциям 1870 г. В то время как наша полевая артиллерия имела первоначально по 1 300 выстрелов на орудие, запас германской легкой пушки не превышал 800 выстрелов.

Как и мы, германцы были абсолютно убеждены в превосходстве наступления.

Но в то время как наша доктрина придавала главное значение маневру и основывалась на решающем значении движения вперед, их доктрина лучше оценивала могущество огня и важность его роли. Она признавала необходимость оборонительных периодов боя и придавала им большое значение; она предусматривала поэтому все то, что может послужить для успешного ведения обороны: как развитие огневых средств, так и оборудование местности.

С другой стороны, германцы в их подготовке войны имели в виду, прежде всего, столкновение с Францией. Орга-

низация и вооружение их армии соответствовали особому характеру борьбы, вызванному двумя обстоятельствами материального порядка: превосходством нашей 75-мм пушки над их 77-мм и укреплением нашей восточной границы.

Введение Францией в 1897 г. 75-мм скорострельной пушки с независимой линией прицеливания, снабженной угломером и приспособлением для стрельбы косью, сразу же вызвало настоящую революцию в материальной части артиллерии. Распространение способов стрельбы не прямой наводкой, позволяющей, в частности, во всякой обстановке пользоваться закрытыми позициями, усложняло для артиллерии противника борьбу с нашими батареями, которые под защитой местности ускользали от настильного огня пушек. Германцы немедленно учли опасность и совершенно правильно признали, что единственное средство заключается в применении навесного огня. Основываясь на этом, они приняли на вооружение 105-мм гаубицу образца 1898 г., которая после улучшений, произведенных в 1909 г., стала превосходным скорострельным орудием, обладающим такой же подвижностью, как и полевая пушка; она выбрасывала снаряд весом в 16 кг на 6 400 м и, благодаря крутизне траектории, могла поражать все закрытые позиции, которыми пользовалась наша артиллерия. Артиллерийский устав 1912 г. определяет роль этого орудия следующим образом:

«Легкая гаубица решает те же задачи, как и полевая пушка. Она значительно действительнее пушки при стрельбе по укрытой артиллерии, по целям, расположенным позади закрытий, по населенным пунктам и по войскам в высокоствольном лесу».

Развитие наших оборонительных сооружений на северо-востоке с их задерживающими фортами и непрерывными укрепленными завесами, на которые неизбежно должна натолкнуться значительная часть германских армий с самого начала военных действий, вынуждало германцев располагать для их атаки значительной тяжелой артиллерией. Но ввиду стремления германцев придать войне насколько возможно быстрый и наступательный характер, им пришлось сделать тяжелую артиллерию достаточно подвижной для того, чтобы она могла следовать непосредственно за полевыми войсками и без промедления предпринимать атаки наших укреплений.

Эта тяжелая полевая артиллерия состояла из:

- гаубиц среднего и крупного калибра (15 см и 21 см) для разрушения укреплений;
- длинных дальнобойных пушек среднего калибра

(10,5 см и 13 см) для дополнения на больших дистанциях разрушительного действия гаубиц.

Но можно сразу заметить, что эти орудия могли иметь и другое применение.

Германское командование было убеждено, что пехота не сможет продвигаться под современным огнем, в частности, под огнем артиллерии; оно поэтому считало необходимым начинать бой систематической борьбой с артиллерией противника, борьбой, *отделяющейся по времени* от боя пехоты. Последние опытные стрельбы новой тяжелой артиллерии в Торне и на Ванском полигоне показали, что тяжелая гаубица особенно пригодна для этой артиллерийской борьбы⁷. Ген. фон-Дулитц, главный инспектор пеших артиллерии, на основании этих опытов пришел к заключению о возможности использовать эту артиллерию в чисто полевом бою и о необходимости возложить на нее ведение артиллерийской борьбы. Однако полагали, что ее роль этим не ограничится: с момента своего появления она будет применяться для решения всех встречающихся задач. Таким образом, роль тяжелой артиллерии в бою стала признаваться основной.

В итоге германские взгляды на использование артиллерии могут быть сведены к следующему.

Дальнобойность мощных орудий должна быть с самого начала соприкосновения использована против скоплений противника, походных колонн и обнаруженных батарей. Чтобы без опоздания выполнять эти задачи, тяжелая артиллерия должна находиться в составе колонн или в хвосте головной дивизии, *которой она придана*, или даже иногда за легкой артиллерией главных сил этой дивизии; она должна выдвигаться вперед уже при завязке боя и разворачиваться возможно быстрее.

Установленная вне досягаемости 75-мм французских пушек, обладающих меньшей дальнобойностью, она должна обеспечить своим огнем развертывание легкой артиллерии. Планомёрной деятельностью, предшествующей действиям пехоты, она сможет уничтожить неприятельскую артиллерию. После достигнутого более или менее полного результата она должна использовать свое могущество для *подготовки* пехотных атак, разрушая материальные препятствия и опорные пункты. Эта подготовка атаки, выполненная всей артиллерией, сможет морально и материально потрясти войска противника и подготовить к штурму (stürmreif) тот участок, где командование желает добиться решения.